

«Пассаж», г. Казань, улица Воскресенская

V.G. Shapron du Larre
1947

В.Г. Шапрон дю Ларре

Мемуары В.Г. Шапрон дю Ларре

Воспоминания Владимира Генриховича Шапрона дю Ларре, симбирского дворянина швейцарского происхождения, написаны на французском языке. Автор дает подробное описание времени, которое стало переломным и для его судьбы, и для всей страны. Русский перевод воспоминаний публикуется впервые.

Продолжение. Начало в № 3, 4 за 2017 год

Глава III. Казань (печатается в сокращении)

В Казани я получил разрешение по моей просьбе жить не в казарме, а в городе, и устроился в гостинице «Франция», среди постояльцев которой оказалось много моих родственников и знакомых.

Гостиница «Франция»

Мои документы были доставлены в штаб-квартиру полка, поэтому личного представления командиру не требовалось, впрочем, дела были плохи, и мне нечего было там делать. Солдаты дезертировали, лошади истощены, офицеры вели праздный образ жизни.

По приказу Временного правительства армия была передана специально созданным комитетам, что привело к полному беспорядку и уничтожению всего, что осталось от прежней армии.

Пребывание в Казани было потерянными временем, я скучал по жене и детям. Прослонявшись без дела весь день, вечера чаще всего я проводил у моего дяди Георгия Трубникова¹ или в доме дворянского собрания. Круг общения составляли мои кузены, однако я не очень хорошо их знал: они всегда жили в Казани, а я в Симбирске. Я встретил многих друзей детства, особенную радость вызвал уважаемый мной Андрей Бульгин², с которым я не виделся почти 25 лет. Удивление вызвала встреча с Николаем Грассэ³, в котором соединились физическая сила и недалекий ум. Он, капитан Преображенского, самого элитного полка царской охраны, выступал на арене Казанского цирка в качестве борца. Самым шокирующим было то, что одет он был всегда в форму своего полка.

[...]

Когда я прибыл в штаб-квартиру для представления генералу Козлову, в офицерской зале ожидания в креслах развалились солдаты, вид их был неяршилив, они плевали и бросали окурки

Юрий Владимирович Трубников

на пол. Присутствие офицеров никого не смущало. Ожидая Винокурова, я достаточно много времени наблюдал за происходящим. В залу вошел генерал из штаба командующего, спросил у солдата, к кому обратиться, чтобы встретиться с генералом Козловым. Получив ответ, что тот ничего не знает, генерал стал ожидать стоя перед дверью, солдаты же продолжали спокойно курить в прежних позах. Тягостно и отвратительно было видеть, что стало с армейской дисциплиной русской армии. Не в силах дальше смотреть на этот спектакль, я прошел в соседнюю комнату, абсолютно пустую, без единого стула. В глубине комнаты я увидел спину офицера, занятого, вероятно, чтением. Он обернулся, услышав мои шаги. Это был мой симбирский знакомый, капитан кавалерии, Владимир Пифиев⁴. В Казани стоял эскадрон уланов под его командованием. Возмущенный увиденным в соседней комнате, он сказал, что в его отряде строго соблюдается прежняя дисциплина. Позднее я смог убедиться в сказанном.

Наблюдая день за днем полное бездействие полка, в котором я числился по рекомендации Винокурова, у меня создалось впечатление, что это бездействие было результатом старческого маразма. Представители же третьего сословия, будущие большевики и коммунисты, в это же время проводили активную пропаганду среди солдат, подготовленных правительством Керенского и готовых принять новое учение.

В моем отряде были два студента Политехнической Школы Ершов⁵ и Ежов, призванные на воинскую службу. Проучившись три месяца в военной школе, они получили назначение подпоручиками в наш отряд. Эти двое агитировали солдат не подчиняться офицерам. Кроме этих молокососов, был подполковник артиллерии Ренет, вероятно большевик, а может, и шпион. Его исчезновение из Казани незадолго до взятия города доказывает, что он знал о предстоящих событиях.

Большевизм, как явление, в самом своем начале не воспринималось серьезно и вызывало только насмешки. Временное правительство в качестве врагов, которых преследовало, рассматривало только монархистов. Тем не менее гарнизон Казани разделился на две группы, первая осталась верной Временному правительству, а вторая встала на сторону большевиков.

Странники Временного правительства составляли отряды, где царил по-

Г.И. Шапрон дю Ларре с детьми. Фото из архива Наталии Шапрон

рядок, командирами были настоящие офицеры прежней царской армии и основную цель видели в борьбе против большевиков.

[...]

Однако число большевиков росло с каждым днем, а сторонников Временного правительства, наоборот, уменьшалось. Крах и анархия надвигались на страну, солдаты чувствовали себя хозяевами положения. Я понял, что безопаснее быть обычным солдатом, а не офицером, и решил через Винокурова забрать свои документы из штаб-квартиры Козлова, который пытался изобразить некую деятельность. Не было никакой пользы от моего пребывания в отряде. Но, продолжая посещать Корнаковского, я был в курсе происходящего в воинской среде.

Стояла хорошая погода, и моя жена приезжала ко мне с детьми несколько раз на пароходе. Но эти поездки становились все более беспокойными. Пароходы, как и поезда, были полны солда-

тами, которые переезжали без всякой цели из города в город и приставали по разному поводу к пассажирам.

[...]

Вечера я проводил у моего дяди Трубникова, брата моей матери. До революции у него было поместье в Казанской губернии, однако после избрания членом Государственной думы от Казани жил он в Петрограде. Все городское дворянство очень уважало его за благородство и безупречную честность. Как многие, он был вынужден покинуть имение и скрываться в Казани. Каждый вечер вместе с ним и тетей мы проводили за игрой в карты у одной пожилой дамы. В течение многих лет она снимала меблированные комнаты в гостинице. У нее я встретил предводителя дворянства уезда, где прошло мое детство в имении матери. Это был некто господин Мещеринов⁶, сильно состарившийся за те многие годы, пока я его не видел.

[...]

Новости каждый день были все тревожней, жизнь становилась тяжелей. Цены росли, все стали запасаться продовольствием, у магазинов выстраивались длинные очереди. Не стало сахара, хлеба, соли. Недовольство простого люда и желание любых перемен только росло.

Чтобы узнать о действиях по назначению меня офицером, я время от времени ходил в штаб полка. 17 октября, когда я проходил через сквер, кто-то тронул меня за плечо. Схватившись за саблю, я резко обернулся. Но, к счастью, это был знакомый полковник пехотного полка. После обмена приветствиями, он спросил: «Вы знаете, что происходит в вашем полку?». Я, из-за длительного отсутствия, вынужден был дать отрицательный ответ. «Так вот, сейчас все пушки приведены в боевое состояние и направлены на город. Между делегацией от полка и командованием Казанского военного округа ведутся переговоры. И если Коровиченко не сможет договориться, то восставшие солдаты начнут стрельбу по городу».

Вернувшись после очередного бесполезного похода в штаб полка, я застал в гостинице моего дядю Трубников и поспешил поделиться с ним услышанной новостью от полковника. Мой дядя, будучи оптимистом, поспешил меня уверить, что не нужно принимать так близко к сердцу услышанное, может быть, полковник преследует какие-то свои цели. Едва он успел закончить, форточка резко за-

хлопнула, и мы услышали свист и взрыв от пролетевшего рядом снаряда. Значит, полковник сказал правду. Я вышел на улицу, чтобы узнать, что происходит. Гостиница «Франция» находилась в центре города, вокруг всегда было многолюдно. В те дни особенно много было покинувших свои имения. Но сейчас улица была почти пустыня, и немногочисленные прохожие торопились укрыться у себя дома. Через какое-то время я вновь услышал взрыв и увидел, что в купол великолепной церкви, стоявшей напротив, попал снаряд. Сомнений больше не было, стреляли со стороны моего полка. Мое местонахождение между гостиницей и Кремлем становилось опасным, я оказался на прямой линии огня. С одной стороны, снаряды были направлены на военную школу, находящуюся на территории Кремля, а с другой стороны, снаряды большевиков пытались уничтожить другую военную школу, расположенную поблизости.

[...]

На рассвете обстрел возобновился, на этот раз со стороны финской батареи, никто не покидал гостиницу, перед которой время от времени разрывались снаряды. Через какое-то время все перестали реагировать на взрывы как в самом начале и, собравшись в комнате у Софьи Федоровны, даже стали снова играть в карты. К нам присоединились недавно приехавшие двоюродный кузен моей матери Сергей Шишков и его жена⁷. В Вятской губернии у них было огромное имение, и даже стекольный завод, все это они были вынуждены

Сергей Александрович Шишков

бросить и бежать. Позже они вернутся назад и будут убиты. Его младший брат Евгений будет расстрелян во время их пребывания в Казани, но об этом мы узнаем только потом.

Несмотря ни на что, жизнь продолжалась. Ночью храбрые кадеты рыли окопы в поле между Арским и Казанью, а с утра отражали ожесточенные атаки большевиков, число которых только увеличивалось. Войска же, верные Временному правительству, таяли на глазах. Кавалерия под командованием Пифиева ждала приказа, как он объяснял потом, и поэтому не вступала в бой.

Все, кто не состоял ни в одной партии, я в том числе, сохраняли нейтралитет.

*Продолжение читайте
в следующем номере.*

Перевод с французского
Елены Мироновой,
кандидата филологических наук, доцента
кафедры романо-германских языков УлГПУ
Примечания:
Т.А. Громовой, Н.Н. Южанина

¹ Юрий Владимирович Трубников (1857–1921), из дворян, действительный статский советник. Дядя В.Г. Шапрон дю Ларре по матери. Окончил Александровский лицей. Спасский уездный предводитель дворянства. С 1906 по 1915 представитель от Казанской губернии в Государственном Совете. Член ЦК «Союза 17 октября». Участник белого движения. Сенатор 1-го департамента Сената при Колчаке (Омск, 1918–1920). Жена: Александра Платоновна, урожденная Граве.

² Адриан Алексеевич Булыгин (1881–1929), казанский дворянин. Служил в Павлоградском драгунском полку. Был уполномоченным Красного Креста в армии адм. А.В. Колчака. Участник похода Оренб. отряда ген. А.С. Бакича через пустыню Гоби. В эмиграции служил в Шанхайской полиции. Принимал участие в Рус. благотворительном обществе. Скончался от менингита. Похоронен на кладбище Лю-Кавей в Шанхае. (А.В. Ганин, В.Г. Семенов, Офицер. корпус. М., 2007).

³ Николай Р. Грассе. Окончил Иркутское военное училище в 1915 г. Жил в эмиграции в Китае. (А.В. Ганин, В.Г. Семенов, Офицер. корпус. М., 2007).

⁴ Владимир Васильевич Пифиев (1874–?), сын симбирского полицмейстера В.А. Пифиева, корнет запаса, земский начальник 6 уч. Симбирского уезда, в службе с 15.08.1892 г. В 1910 награжден орденом Св. Станислава 2 ст. Был женат на княжне Е.Н. Ухтомской. Участвовал в Гражданской войне на стороне «белых».

⁵ Николай Евгеньевич Ершов (1892–1928), большевик из царских прапорщиков, сыграл большую роль в установлении советской власти в Казани в октябре 1917. После создания временного революционного комитета был избран исполняющим обязанности командующего Казанским военным округом. Позже сражался в партизанском отряде в Забайкалье. В 1920–1921 командовал полком. После окончания войны стал экономистом одного из отделов ВЧК. В 1928 году погиб в автомобильной катастрофе. Его имя с 1929 года носит улица в Казани.

⁶ Владимир Петрович Мещеринов (1847–1919), из потомственных дворян Симбирской губернии, действительный статский советник (1897), гофмейстер (1910), член Госсовета (до 1915). Родовое имение (1200 десятин) в селе Спешневка Сенгилеевского уезда Симбирской губернии. Восемь трехлетий (с сентября 1880) был почетным мировым судьей в уезде, служил в земских органах, был Сенгилеевским уездным предводителем дворянства (1891–1909). Член «Русского собрания».

⁷ Сергей Александрович Шишков (1857–1918), инженер-технолог, один из владельцев Сюгинского завода в Елабужском уезде Вятской губернии (ныне Республика Татарстан), принадлежавшего с 1882 по 1918 товариществу на паях «С.А. Сырнева и С.А. Шишков». Будучи в Казани во время захвата ее красноармейцами, был арестован, отвезен в Сарапул, где и расстрелян. Жена Евгения Юрьевна Хованская умерла в 1918 от тифа в Казани. (Князь С.А. Хованский. Князья Хованские. М., 2007. – С.308.).